

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

мандиров батальонов, я объяснил им создавшееся положение, и мы начали отступление вслепую. В конце концов мне удалось связаться с командиром Воткинской дивизии, Генерального штаба полковником фон Вахом, к которому я и вошел в подчинение, по моему личному желанию. Союзники наши оказались предателям. Наша армия отходила в глубь Сибири. Пал Омск...

Ф. Мейбом

ГИБЕЛЬ 13-Й СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В БОЯХ ПОД ГОРОДОМ ЧЕЛЯБИНСКОМ В 1919 ГОДУ¹³⁵

Прошло больше пятидесяти лет с момента гибели 13-й Сибирской стрелковой дивизии, но до сих пор мне не пришлось читать в наших военных изданиях что-либо об этой трагедии. Я решил, что мой долг офицера, который состоял с самого начала формирования в дивизии, осветить ее кругозором строевого офицера, командира батальона. Конечно, кругозор очень ограниченный, мои воспоминания сосредоточиваются на моем батальоне, а потом полке. Пишу я по воспоминаниям давно, давно прошедших событий. Старость не радость... а потому прошу моих читателей отнестись к моим неточностям снисходительно.

Трагедия 13-й дивизии в боевой операции города Челябинска была не только ее трагедией, но и трагедией многих других частей. Разница заключалась в том, что другие наши части потеряли много из своего состава и потеряли сражение, что очень сильно отзывалось на нашей будущей возможности вырвать инициативу из рук красных, а 13-я дивизия позорно перешла к красным почти на 80 процентов своего состава. Причины к этому я опишу позднее.

Дивизия была полностью составлена из молодых сибиряков, по мобилизации, — и это самая главная причина. Вторая — все полки были поставлены на учение старого времени, масса маршировок, очень много парадов и полное невнимание к стрелкам со стороны г.г. офицеров. Третье: начиная с начальника дивизии и кончая командирами полков, а также и строевое офицерство не были совершенно знакомы с приемами тактики Гражданской войны. В нашем полку, к моему удивлению, со стажем одного года Гражданской войны был только я и больше никого. Четвертое: наш командир полка был под влиянием Омска, что наша дивизия будет гвардейской и на фронт пойдет только в том случае, если случится какое-либо несчастье с

нашей армией; а потому программа боевой подготовки была ниже всякой критики. Пятое: большое, открытое поле для большевистских провокаторов, на которых особого внимания не обращалось. Вот эти пять пунктов и послужили причиной гибели 13-й Сибирской дивизии.

* * *

В жестоких боях с многочисленным противником Красной армии Волжская имени генерала Каппеля дивизия, истекая кровью, шаг за шагом отступала к городу Уфе. Волжская дивизия состояла из трех полков: Казанский (мы его называли «алаяры», сплошь из татар), Симбирский и Самарский. Этой славной дивизией командовал молодой полковник с Георгиевским крестом, храбрый из храбрейших и в недалеком будущем генерал-майор Николай Павлович Сахаров (умер в Сан-Франциско).

Ряды этой дивизии с каждым днем таяли, и из крупного состава добровольцев очень немногие оставались в строю. Полки доходили до 140—160 штыков, батальоны до 40 штыков и роты до 10 и 12 штыков. Я в то время был в Казанском полку командиром 1-го батальона и заместителем командира полка. Добровольцы до предела устали и часто голодали, но наш дух был высок, и много раз, ощетинившись, мы переходили в решительную контратаку и гнали красных на много верст назад. Ночью поход, а днем бой, и так изо дня в день.

Красные шли за нами по пятам и не давали нам возможности оторваться от них хоть на один день, но все это нас не особенно беспокоило, а главное, что нас духовно терзalo, это то, что не было пополнения, которое давно нам было обещано. Но получали только всякие обещания от социалистов из города Уфы, обыкновенные «говорильные учредилки». Думали, что мы избавились от них, а они, как пиявки, на нашей шкуре.

Наконец, случился переворот в Уфе и у власти встал адмирал Колчак. Мы все с облегчением вздохнули. Теперь будет дело другое. В этом мы были уверены, и наша уверенность оправдалась... Мы получили радостную новость, что нас снимает с фронта вновь сформированная дивизия. Нашу радость описать трудно, добровольцы бросились танцевать... Но мне не повезло. Во время контратаки на красных я был тяжело ранен пулей в правую часть груди и потерял много крови. Очнулся в госпитале города Ново-Николаевска.

В то время я даже не имел мысли, что я оторвусь от моих волжан на долгое время. После выздоровления я был готов ехать обрат-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

но в мою часть. Волжская дивизия в то время стояла на отдыхе и для пополнения в районе Златоуста.

Неожиданно ко мне пришел плац-адъютант начальника гарнизона и передал мне, что начальник хочет видеть меня. Являюсь и представляюсь генерал-лейтенанту Зандечко. Он очень мило встретил меня, пригласил сесть и спрятался о моем здоровье. Я ответил, что чувствую себя отлично. Генерал протянул мне бумагу, приказ по армии, в котором говорилось, что все офицеры после излечения от ран или болезней должны войти в полное распоряжение начальников гарнизонов.

— Итак, господин капитан, я назначаю вас в 49-й Сибирский стрелковый полк вверенной мне дивизии. Явитесь к командиру полка гвардии полковнику М. Всего хорошего. Адъютант вам выдаст необходимые документы.

Я прямо осталబенел от такой неожиданности и начал объяснять генералу, что я старый волжанин, коренной офицер и должен вернуться обратно в мою часть, с которой совершил все бои, и что я не могу остаться без нее, это как моя родная семья и т. д. Генерал улыбался и сказал мне:

— Вот в таких, как вы, мы и нуждаемся. Всего вам хорошего, господин капитан!

Я еще не потерял надежды, срочно отправил письмо лично генералу Сахарову и просил его подействовать на высшие инстанции, чтобы мне разрешили вернуться в полк. Но получил обратно письмо от генерала Сахарова, в котором он сообщал, что все его старания получить меня обратно не увенчались успехом. «Смирись, дорогой Федор Федорович, и сообщи мне имя твоего командира полка. До скорого свидания. Твой Ген. Сахаров».

С разрешения начальника гарнизона я получил три дня отдыха, прежде чем отправиться в полк. Был в ресторанах, которых я не видел год, сходил в цирк и смотрел на французскую борьбу, а затем отправился по моему назначению. Берск, громадная деревня с широкими улицами, красиво расположена среди соснового бора. Добрался до расположения полка и очень быстро нашел штаб полка. Меня поразило, что проходившие стрелки отчетливо отдавали честь, я уже от этого давно отвык. Вхожу в канцелярию полка. Обширная и светлая комната. При моем появлении все четыре писаря встали. Я просил их сесть, и ко мне подошел офицер в чине капитана с аксельбантами, адъютант полка, имя его было капитан Ермолов. Он представился мне и сказал, что он сейчас же доложит командиру полка о моем прибытии в полк. Адъютант пригласил меня в кабинет командира

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

полка. Вхожу и вижу полковника, который при моем появлении встал (я не ожидал такого роста — 7,2!).

Я подошел с рапортом, после чего он пожал мне руку и просил меня сесть. Он долго меня расспрашивал: какого я училища, в каком году я его окончил и в какой части служил в Германскую кампанию, а также и в Гражданскую. Затем он предложил мне заполнить краткую записку о прохождении службы и сказал, что это особо важно, так как за последнее время появилось много самозванцев, а поэтому все списки должны быть отправлены с особым офицером в город Омск, в отдел производства, где их тщательно проверяют по «Военному Инвалиду» и другим документам.

— Ваш список отправится завтра, а пока я вас причислю к штабу полка.

Затем, посмотрев на мой Владимир с мечами и бантом, он спросил меня, в каком году я получил этот доблестный орден. Я ответил, что в ноябре 1915 года в боях в направлении Ковеля, Юго-Западного фронта. Тогда он меня спросил, как я мог попасть в третьюочередную дивизию и как это случилось, что я, окончив старшим портупей-юнкером Владимирское Петроградское военное училище 1 октября 1914 года, то есть выпущенный в чине подпоручика, попал в «какой-то» 497-й пехотный Билецкий полк. Я засмеялся и сказал:

— Господин полковник! Я ожидал, что вы меня об этом спросите, — и вкратце объяснил ему: — Я взял именную вакансию для совместной службы с моим братом Борисом, капитаном Генерального штаба и командиром 32-го отдельного Инженерного батальона, так как я был выпущен по инженерным войскам. Прибыв в батальон, я был назначен в телеграфную роту и через месяц форменным образом «заявля» от этой неинтересной для меня службы и упросил брата отчислить меня в пехоту. Видя, что он со мной ничего не может сделать, он решил меня отправить в распоряжение дежурного генерала Юго-Западного фронта. По прибытии я был направлен во вновь сформированную 125-ю пехотную дивизию. Начальником дивизии был генерал-лейтенант Энгельгард, который назначил меня в 497-й пехотный Билецкий полк. Генерал Корешков, командир полка, послал меня в распоряжение командира 1-го батальона, и я сразу же принял в командование 2-ю роту. Я провел с этим полком всю кампанию, включая «Брусиловский прорыв», был в нем дважды ранен и тяжело контужен. Полк в боевом отношении был выше всякой похвалы. Я закончил свою службу в чине капитана и командиром 1-го батальона.

Я быстро заполнил мою краткую записку и передал ее адъютанту.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Командир полка произвел на меня дивное впечатление. В его манерах и обращении чувствовался гвардейский офицер. Он имел Георгиевский крест 4-й степени, Георгиевское оружие, Владимира 4-й степени, а на рукаве пять нашивок за ранения. Выйдя из кабинета командира полка, я встретил адъютанта, который сказал, что для меня готова квартира и денщик.

Денщик встретил меня с радостной улыбкой, забрал мои вещи, и мы пошли на мою новую квартиру. Денщик Василий, молодой сибиряк, очень веселый, мне сразу понравился. Квартира состояла из двух комнат и маленькой кухни. Осмотрев их, я предложил Василию жить со мной и взять одну из комнат для себя. Он от радости громко рявкнул:

— Покорно благодарю, господин капитан!

Итак, с этого момента перелистывается новая страница новых переживаний. Я хочу описать подробно жизнь 49-го Сибирского стрелкового полка после года Гражданской войны. Мне все кажется так странно, как будто мы с полком живем на маневрах старого времени. Начальник хозяйственной части, через своего денщика, просит меня зайти к нему. Ничего не поделаешь, придется идти... Оказывается, по распоряжению командира полка все офицеры должны иметь одну и ту же форму, то есть английскую, которую пригоняет специальный портной. Все это надо сделать быстро, а я даже не имел возможности и времени представиться моей соседке, прелестной женщине, которая при моей с ней встрече подарила мне обворожительную улыбку.

Я должен идти в офицерское собрание и имею лишь один свободный час, чтобы «официально познакомиться» с ней. Я постучал в ее дверь, которая отворилась, и передо мной стояла «она» и грудным, бархатным голосом сказала: «Милости прошу». Я представился ей, и она пригласила меня войти. Я такой красивой женщины еще не встречал: дивные волосы, глаза... это что-то удивительное, они прозрачно голубые, как цвет морской волны, безукоризненная фигура с хорошенькими ножками, а пальчики... одна прелест! Она зубной доктор. Мужа потеряла в городе Симбирске, при отходе белых частей. Я извинился, встал и сказал, что я должен идти в офицерское собрание на обед. Поцеловал ее ручку и зашагал сперва к себе, а затем в собрание.

Я буду подробно описывать жизнь и подготовку полка к предстоящим боям, и из этих описаний можно будет ясно представить главные причины гибели 13-й дивизии. С 49-м Сибирским стрелковым полком я прошел весь период его подготовки командиром батальона, помощником командира полка и, наконец, командиром полка и с ним же прошел весь Ледяной Сибирский поход.

Итак, я в офицерском собрании, которое удивительно красиво и богато обставлено мягкой мебелью и зелеными мягкими коврами. Две комнаты — одна «закусочная» и вторая — большой зал с обеденным столом, который сверкает серебром, белой скатертью и белыми же салфетками. На главной стене — портрет адмирала Колчака по весь рост. На закусочном столе самые разнообразные блюда, включая маринованного осетра и т. д. Спиртные напитки были также поданы для различного вкуса, начиная с водки и кончая коньяком.

Дежурный офицер представил меня помощнику командира полка, подполковнику Васильеву — очень милый офицер. Взяв меня под руку, он провел к закусочному столу и сказал, что он не считает своим правом знакомить меня с офицерами полка, эта честь принадлежит командиру полка. Мы выпили по рюмке водки и приступили к закускам, как раздалась команда: «Господа офицеры!» Все замерло, вошел командир полка и очень мило сказал: «Господа офицеры, прошу не беспокоиться» — и прямо пошел к нам. Поговорили о всяких пустяках, и он, выпив четыре рюмки водки одну за одной, пригласил нас всех к обеденному столу. Все заняли свои места, кроме меня и командира полка, который указал мне место рядом с ним.

Первый тост за адмирала Колчака, а затем он представил меня как вновь прибывшего после ранения офицера и, повернувшись ко мне, сказал:

— Рад вас иметь в нашей офицерской семье 49-го Сибирского полка. Милости просим, господин капитан.

С этими словами все офицеры поднялись и, как один, повторили: «Милости просим!»

Обед был простой, но очень вкусный, а особенно мне понравились «биточки в сметане». Я спросил моего соседа поручика:

— Откуда вы достали такого хорошего повара?

— О, — сказал он, — наш чародей командир полка достал его из города Омска, из самого лучшего ресторана. Ведь он имеет колossalные связи в Омске и женат на дочери военного министра.

После обеда почти все офицеры полка остались в столовой, но я устал, незаметно вышел и тихонько поплелся домой. Ночь была лунная и очень теплая. Неожиданно мною овладела грусть... какая-то неясная... но тревожная... Вспомнились наши бои и теперь... какая разница!.. Что-то неправильно... болит мое сердце за наших добровольцев.

На следующий день командир полка вызвал меня в штаб и предложил мне поехать с ним и посмотреть на учение полка. Конечно, я с радостью согласился. То, что я увидел, — я не мог поверить моим глазам: громадное поле было покрыто маршировавшими стрелками,

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

я такого количества солдат давно не видел. Я обратился к командиру полка и спросил его:

— Сколько же штыков в дивизии?

Он сразу не ответил, а, подумав, сказал:

— Больше 13 тысяч штыков.

Я только мог покачать головой, а мысль сразу пробежала в моей голове: «А что бы было, если бы эту силу бросили нам в начале Гражданской войны? Я бы не сидел в деревне Берске, а был бы давно в Москве». Полковник М. также сообщил мне по секрету, что наша дивизия будет принадлежать к Новой Гвардии и шефом ее будет адмирал Колчак. Она будет брошена в бой только тогда, когда наш фронт попадет в критическое положение, чему он совершенно не верит, так как Красная армия разбита и наши доблестные части готовят ее к берегам Волги.

Через несколько дней меня снова вызвал командир полка, который с улыбкой встретил меня и провел в свой кабинет.

— Итак, господин капитан, ваша краткая записка вернулась, и, конечно, все в порядке, но почему вы не сообщили, что вы имеете и другие боевые ордена, кроме Владимира 4-й степени?

Я замялся и сказал, что я думал, что для настоящего времени Владимир 4-й степени будет достаточен.

— Потрудитесь, господин капитан, все исправить, так как ваша краткая записка будет служить вашим законным послужным списком. Кроме того, я получил письмо от вашего бывшего начальника дивизии генерала Сахарова, в котором он дает вам аттестацию как блестящего строевого и боевого офицера. Я ему, конечно, отвечу и поблагодарю его. Итак, господин капитан, я вас назначаю командиром 1-го батальона, я уже сообщил временному командиру капитану Иванову о моих перемещениях и прошу вас принять батальон завтра же, о чем письменно донести. Капитан Иванов отличный офицер и будет вам хорошим помощником по батальону.

Я поблагодарил и быстро пошел к себе на квартиру. Я много раз встречался с капитаном Ивановым, и он произвел на меня очень хорошее впечатление. Придя на квартиру, я срочно послал, в дружеской форме, записку капитану Иванову с приглашением прийти ко мне на чашку чая. Мы долго с ним сидели и разговаривали о батальоне и его подготовке к бою. Я ему сразу же сказал, что то, что я видел на учении батальона, я совершенно не одобряю и, конечно, срочно изменю. Вот что я хочу: как можно меньше времени на ненужную маршировку с перестроением и на произведение отдания чести и т. д. Главное, что я хочу видеть в батальоне, это стрельбище, рассыпной

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

строй, удар штыком и полевые занятия. Капитан Иванов замялся, а потом сказал мне:

— Как жаль, что вас не было раньше, я с вами, Федор Федорович, согласен на все 100 процентов, а также я знаю, что наши офицеры будут также этому рады. Я, как временный командир батальона, ничего не мог сделать. Командир полка настаивал и требовал этой рутины учения.

Мы условились, что я приму батальон завтра в 9 часов утра. Перед его уходом к нам вошла моя соседка, увидев у меня офицера, смущилась и сказала мне, что зайдет позднее. Я представил ей капитана Иванова, который просил ее оставаться, так как он должен идти в батальон. Настало утро, я быстро выпил чашку чаю и направился к батальону, который уже был выстроен и ждал моего прихода.

С моим появлением раздалась команда: «Смирно! Для встречи командира батальона слушай — на караул!» Тысяча штыков блеснули в лучах солнца и замерли. Капитан Иванов подошел ко мне с рапортом, я пожал ему руку, и мы совместно начали обходить батальон. За долгое время я впервые видел передо мной действительно кадровую воинскую часть. Я здоровался с каждой ротой в отдельности, а капитан Иванов представлял мне офицеров батальона, их чины и занимаемую должность. После смотра я обошел казармы, а также и кухню батальона.

Собрав всех офицеров (их было 18) в канцелярии батальона, я сообщил им, что капитан Иванов назначается моим помощником, а также и моим заместителем, с исполнением обязанностей командира 1-й роты. После официальной стороны я пригласил всех офицеров в наше собрание, где мы съели дежурное блюдо «голубцы» и архично беседовали. Я им описал несколько боев с красными, и они меня расспрашивали о всей пройденной Гражданской войне. Настроение у меня чудное. Впереди много работы, и единственное мое беспокойство — боюсь, что не так много осталось времени перед уходом на фронт. Несмотря на уверения командира полка, что мы, может быть, совсем не пойдем в бой — гвардия, мол, — я в это не верю.

По моему вызову явились все три командира рот. Я подробно объяснил им, что я изменяю всю программу обучения стрелка в моем батальоне. Как можно меньше внимания на всякие маршировки и т. д. и начать обучать стрелка полевой и боевой обстановке — рассыпанный строй, удар штыком и т. д., а главное — стрельба. «Я дам вам письменно изложенную мною программу».

На следующий день я был на стрельбище и пришел в ужас — это было ниже всякой критики. Немедленно приказал начать одиночное обучение, наводку со станка, приказал капитану Иванову водить по-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ротно на стрельбище не меньше чем три раза в неделю. Работа закипела с утра и до вечера. Предупредил г. г. офицеров батальона не задерживаться в собрании, а отдавать их время на беседу со стрелками. На этих днях дежурный офицер, при обходе ночью помещения рот, был демонстративно освистан, и с верхних нар были брошены грязные тряпки прямо в его лицо. Это меня очень обеспокоило, и я вызвал снова командиров рот и сказал им, что я думаю и даже уверен, что среди наших стрелков появились большевистские агитаторы. Угрозами ареста и даже расстрела этому не помочь, а этих агитаторов надо выловить.

— У каждого из вас, господа ротные командиры, найдутся верные вам стрелки, вот их-то и нужно завербовать как секретных агентов и узнать, что делается в ротах.

Все, конечно, согласились со мной, но вопрос, где найти таких преданных и верных стрелков. Капитан Иванов сразу же заявил, что у него такие есть и они срочно приступят к этому.

Батальон ходит на стрельбища, усердно проходит наводку со станка, и результат поразительный в лучшую сторону. Командиры рот по моему приказу набили мешки сеном и повесили их для удара штыком, и стрелок с яростным «Ура!» бросается на это чучело. Кроме того, стрелки проходят штыковой бой — «удар направо», «удар налево», «удар кругом» и «отбей шашечный удар с лошади».

Командир полка приехал смотреть мой батальон, просил меня не останавливать учение и спросил, где же одна рота. Я ответил, что на стрельбище.

— Я слышал от подполковника Васильева, что вы круто изменили программу обучения?

Я ответил, что я обучаю батальон к предстоящим боям и обращаю самое серьезное внимание на это, но, конечно, не забываю маршировку и строй. Он долго смотрел на штыковой бой палками и удар штыкками, затем он с улыбкой сказал мне, что ему кажется, что я на правильном пути.

— Продолжайте, господин капитан, я с вами согласен. — Пожав мне руку, он спросил меня: — Почему я редко вижу вас и ваших офицеров в собрании?

Я с улыбкой ответил, что у меня не хватает времени, а мои офицеры так устают, что еле добираются до кровати.

Полковник М. — чудный человек, дивный гвардейский офицер, и я его очень уважаю, но, к несчастью, я думаю, что он алкоголик и все время под влиянием алкоголя, и я боюсь за него в боевой обстановке. Много он пережил. Весь он израненный, и раны его тяжелые,

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

мучают его, а в этом и есть причина алкоголя. Однажды он делал смотр полку, прискакал верхом на лошади, хотел что-то сказать, но упал с нее. Это произвело на меня очень тяжелое впечатление.

Я приступил к беседам с г. г. офицерами батальона. Ни у одного из них не было опыта в Гражданской войне, и, между прочим, начиная с начальника дивизии, среди всех офицеров полка я был единственный, который имел боевой опыт Гражданской войны. Вся дивизия, то есть ее состав, была мобилизована, включая и большинство офицеров, которые после Германской кампании осели и занялись другой работой, обзавелись семьями и, конечно, без особого удовольствия явились на призыв. Вот что является одной из самых главных причин трагедии 13-й Сибирской дивизии.

Кроме того, подготовка полка, а я думаю — и других полков, к боевым операциям была ниже всякой критики. Все внимание было обращено на маршировку, парады и т. д. (В этом сказывалось то, что полковник М. мне по секрету сообщил.) Офицерский состав, проводя несколько часов со стрелками, оставляя роты на фельдфебелей, а сами спешили в офицерское собрание, где проводили очень много времени и шли домой, не зайдя даже к своим стрелкам. Таким образом, стрелки жили своей одинокой жизнью, конечно очень скучной, и для большевистских провокаторов было открытое поле, так как свернуть молодого сибиряка было для них очень легкой работой.

Как-то капитан Иванов просил меня срочно прийти в 1-ю роту. Войдя в помещение роты и приняв рапорт дежурного по роте стрелка, я увидел трех солдат под конвоем. Капитан Иванов сообщил мне, что это пойманные большевистские агитаторы, которые были выловлены в его роте, и спросил, что я прикажу с ними делать. Конечно, если бы это было на фронте, то я сразу бы их ликвидировал, ну а теперь должен был сообщить командиру полка, который просил меня прислать их в штаб полка, а оттуда их направят в штаб дивизии. Когда мы остались одни с капитаном Ивановым, то я поблагодарил его за быстрый результат и сказал ему, что больше агитации в его роте не будет, так как если там и остались из них кто-либо, то они побоятся открыть рот, зная, что их «товарищей» предали, а кто — они не знают. Самый верный способ. Через несколько дней командир 3-й роты штабс-капитан Хвостов сообщил мне, что у него арестованы два стрелка за большевистскую агитацию. Их также отправили в штаб дивизии. Затем и капитан Петров сообщил, что у него во 2-й роте выловлен один агитатор, и я его отправил в штаб полка.

Время шло, и мой батальон был в работе с утра до вечера, и я думаю, что он готов к бою в любое время. Мои офицеры батальона

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

больше не засиживались в собрании, а все свободное время проводили в беседах со стрелками. Очень часто они меня просили познакомить их с тактикой Гражданской войны. Я им мог только указать, что Гражданская война — это полевая война. Сплошного фронта не существует, всегда есть и будут прорывы между боевыми частями, и связь держится телефоном и разведкой. При всех обстоятельствах надо считаться с очень важным фактом, что успех в боевой операции — это не количество, а качество стрелка и его подготовки к бою.

Командный состав, начиная с командира роты, должен проявить собственную инициативу в зависимости от сложившейся обстановки, не нарушая общей боевой операции. Все операции, как наступательные, так и оборонительные, базируются на обхвате флангов и тыла противника. Резерв, которым можно нанести удар противнику при наступательном, а также и оборонительном движении, имеет большое значение.

Капитан Иванов передал мне просьбу офицеров батальона объяснить им хоть один бой, в котором я участвовал. Я с большим удовольствием согласился. Начал с того, что, прибыв в город Казань, я вступил в секретную офицерскую организацию. Какими-то предателями она была выдана Чека, и начались аресты и расстрелы. Я с двумя друзьями-офицерами удачно скрылись в Жигулевских горах и, холодные и голодные, бродили до тех пор, пока не наткнулись на отряд поручика Ветягина, имя которого было грозой для комиссаров — за его голову Чека предлагала 5000 рублей золотом.

В прошлом он был учителем в городе Свияжске. Большевики убили его жену и двух детей, и с тех пор он ушел в подполье. Будучи охотником и рыболовом, он знал всю местность отлично и, не задерживаясь в одном районе, был все время в движении и появлялся там, где его не ожидали. На чекистов он навел панику, ловя их в сельских и деревенских учреждениях и нападая на спящих чекистов карательных отрядов. Он был рожденным вождем партизан.

В плен он не брал, объясняя, что возиться с ними у него нет возможности, а оставить их живыми — они будут продолжать свою гнусную работу. Мы, три офицера старше его в чинах, с большим удовольствием подчинились ему. При взятии города Казани наши партизанские отряды ударили в тыл красным, помогая добровольцам полковника Степанова войти в город. В этом бою поручик Ветягин был тяжело ранен из пулемета. Умирая, он дал мне небольшую коробочку и просил передать его сестре, адрес которой был в коробочке. Позднее я открыл ее. Там лежал офицерский Георгиевский крест 4-й степени, о котором он никогда нам не говорил. После долгих

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

розысков я нашел его сестру. Оба мы поплакали о потере такого чудного человека и доблестного офицера.

Я перешел к описанию моего первого открытого боя с большевиками. Наш партизанский отряд разошелся по отдельным частям. Я лично забежал поцеловать маму и брата Георгия с его семьей, а после пошел согласно приказу полковника Степанова в здание военного училища, где формировались офицерские роты. Я вступил рядовым офицером в 1-ю роту, которой командовал доблестный офицер гвардии полковник Радзевич. При упоминании его имени я неожиданно услышал голос командира полка, который незаметно вошел во время моей беседы с офицерами. Повернувшись к нему, я подал команду: «Господа офицеры». Все встали, он подошел ко мне и просил извинения, что перебил меня, что он хочет сказать, что полковник Радзевич его большой друг, с которым он совместно служил лейб-гвардии в Семеновском полку. «Пожалуйста, продолжайте, я также останусь и буду слушать вас».

Наш первый бой был перед деревней Услон (на противоположном берегу Волги). Офицерская рота в 280 штыков при четырех пулеметах «максим» ночью шла на погрузку на пароходы. Всюду тишина, слышен только отчетливый шаг роты. Кто-то, открыв окно, кричал нам: «Храните вас Господь», многие крестили нас и желали победы.

Буксирный пароходик мог погрузить только одну четвертую часть роты. Полковник Радзевич заявил капитану буксира, что сажает по подроты на каждый рейс. Офицеры, как комары, облепили пароходик, и он тронулся. Перешла и вторая полурота... У нас была боевая задача захватить свияжский железнодорожный мост.

Рота, свернувшись в походную колонну, с походной заставой и дозорами, тронулась в направлении ближайшей деревни от Услона, где мы должны были остановиться на дневку. Неожиданно раздалась стрельба из нашей заставы. Посланный офицер сообщил, что застава натолкнулась на разведку противника. Полковник Радзевич приказал прибавить ходу. Уже совсем рассвело. Когда мы поднялись на возвышенность, окружающую деревню, расположенную в котловине, начальник заставы доложил, что деревня занята матросским отрядом, судя по курткам разведки. Раздался злобный смех среди офицеров: «Так вот они где! Придется поковырять эту сволочь».

Командир роты после исследования позиции приказал 1-му взводу рассыпаться и хорошо окопаться, половине 2-го взвода скрытно добраться до густого кустарника, а другой половине — так же скрытно добраться до оврага. Таким образом, они подставляли оба фланга противника под удар. Я лежал в цепи, а рядом со мною справа был

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

подполковник, а слева штабс-капитан, недалеко от меня окопался пулемет. Полковник Радзевич строго приказал не открывать огня без его свистка.

Долго дожидаться не пришлось. Я ясно видел, как строились матросы и как они, развернувшись в цепи, пошли на сближение с нами. Цепи очень густые (их было три), заполнили все расстояние между нами и деревней. Матросы шли с пением, как на параде. Все ближе и ближе... уже видны очертания лиц... но свистка еще нет. Штабс-капитан слева от меня привлек мое внимание на огромного роста матроса, который все время грозился кому-то, может быть, нам, а может быть, и своим. «Господин капитан! Давайте возьмем его на мушку и уложим в первую очередь!» Я согласился, и мы старались не потерять его. Матросы уже не идут, а с криком «Ура!» приближаются к нам. Мы ясно слышим, как они кричат: «Сдавайся, корниловцы!» Резкий свисток — и рота опоясалась огнем. Четыре пулемета, как швейные машины, беспардонно застучали. Первые ряды были скошены, и наш «большой» матрос как-то неестественно перегнулся и упал.

Матросы перегруппировались и снова пошли на нас. Приказ по цепи — быть готовыми принять их в штыки, резервный взвод влился в наши ряды, и мы с громким «Ура!» пошли на них; еще бы один момент, и мы вступили бы в штыковой бой, но в это время на противника обрушились наши два полувзвода с левого и правого флангов. Матросня попала в западню и с колоссальными потерями в панике бросилась обратно в деревню, но очень немного дошло их до деревни. Все поле было покрыто черными тужурками. Остановить нас было очень трудно, мы сидели на спинах в панике бегущих матросов и на их спинах ворвались в деревню. Но здесь нас ждал сюрприз. Мы не знали, что Московский отряд коммунистов находится в деревне. С жаром, под их огнем мы пошли в штыки, сбросили их с их позиций и погнали с остатками матросов к станции Свияжск. Пленных мы не брали. Жаль, что не было кавалерии, а то мы могли бы захватить и самого Троцкого, который удрал от нас из Свияжска перед самым нашим носом.

Первый наш бой! Какой успех! И все мы знали, что в этой победе мы должны быть благодарны полковнику Радзевичу. Какой он храбрый и в то же время спокойный... дивный командир, чудный офицер. Потери у нас незначительны, и те мы получили от Московского отряда. Крестьяне говорили, что мы их фактически уничтожили. Когда красные пришли в деревню, они орали, что перебьют всех «корниловцев», а как начали удирать, так штаны забыли надеть. «Ну и побили же вы их!»

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Я также рассказал своим офицерам, что вскоре мы имели серьезный бой с латышской дивизией, которую мы, совместно с 1-м Чешским полком полковника Швеца, разбили и вывели из строя на долгое время.

— На этом я кончу мою беседу с вами и благодарю вас, господа офицеры, за внимание, которое вы мне оказали.

Командир полка подошел ко мне, крепко пожал мне руку и, не говоря ни одного слова, пошел к выходной двери, но прежде, чем открыть дверь, он громко сказал:

— Благодарю вас, господин капитан!

Мои офицеры также благодарили меня и говорили, что не знали, что я был в партизанском отряде и рядовым в офицерской роте. Они, конечно, знали, что я был в Волжской дивизии. Настроение у меня дивное, я вижу успех в моей работе, а впереди еще много работы.

Вскоре мы получили тревожную новость, что наш фронт прорван и наша армия отступает. Наша дивизия в срочном порядке перебрасывается на фронт. Начались поспешные сборы полка, но это не мешало командиру полка поднимать с утра до вечера бокалы за победу... Беспокоюсь я за него... что же будет с ним на фронте? И чем я могу помочь ему? Мне жаль его от всего сердца. Ведь он отдал все, что мог, на защиту Родины. Пять ранений — два очень серьезных, которые до сих пор не дают ему покоя.

Полк выступил с оркестром из деревни Берск. Удивительно красивая военная картина, когда 3 тысячи штыков, как на параде, начали свой марш. Посадка полка — на станции Ново-Николаевск. Эшелоны уже готовы. Меня удивило, что все вагоны были украшены ельником и портретами адмирала Колчака. Откуда они успели достать все эти украшения?

Перейду обратно к полку и его посадке в эшелоны. Посадка произошла быстро, и наш полк с громким свистом паровоза двинулся к Омску. В Омске сосредоточилась вся наша дивизия, и адмирал Колчак хотел посмотреть на нас, на его последнюю надежду... Наш полк проходил церемониальным маршем и получил особую благодарность от адмирала Колчака. После парада мы, то есть все офицеры, были приглашены в гарнизонное собрание на обед, а стрелки получили по чарке водки и очень хороший обед со сладким от адмирала Колчака. После обеда начались тосты, и я решил незаметно пойти к себе в эшелон. Подойдя к теплушкам 3-й роты, я услышал голос, который с яростью что-то доказывал стрелкам...

— Что же вы? Стрелять в своих же братьев будете? — и т. д.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Я тихонько подошел к теплушке и увидел какого-то типа в солдатской грязной форме, который, размахивая руками, доказывал стрелкам, что их ведут на убой царские палачи-офицеры. «Товарищи! Придете на фронт, и в первом же бою бросайте ваше оружие и переходите на сторону ваших братьев, которые сражаются за вашу свободу!»

Я подумал, что если я его арестую сейчас же, то стрелки могут подумать, что я заткнул ему рот, а поэтому я быстро вскочил в теплушку. Все замерли, и я с улыбкой обратился к этому типу и сказал, что то, что я слышал, — это сплошное провокаторское вранье.

— А ну-ка, давай поговорим. Ты уверяешь моих стрелков, что большевики их братья. Значит, по-твоему, выходит, что 50 тысяч рабочих Ижевского и Воткинского заводов, которые восстали против этих «братьев», тоже царские палачи? — И начал приводить факт за фактом, и, прижав его к стенке под громкий смех стрелков, наконец, я его спросил: — Ну, что можешь на это ответить? Не можешь, потому что ты провокатор!

Стрелки кричали мне: «Господин капитан, дайте его нам! На нашу расправу... туды и сюды его...»

Внутренне я торжествовал и, вызвав дежурного офицера, передал его ему. Я предупредил дежурного офицера, что арестованный очень опасный большевистский агитатор, и просил быть очень осторожным с ним и, если он сделает попытку к бегству, открывать по нему огонь. Не знаю, пробовал ли он бежать или нет, но дежурный офицер доложил мне, что агитатор сразу же бросился бежать, и он открыл огонь и убил его. Ну, туда ему и дорога...

Кончились банкеты, парады и т. д., и мы снова в вагонах и подъезжаем недалеко к фронту. Наступает экзамен на боевую способность и на верность. За мой батальон я не беспокоюсь, я в него верю, а вот другие два батальона вызывают у меня тревожное чувство. Ведь они продолжали маршировать и к боевым операциям, мне казалось, совершенно не подготовлены. Ну, это дело их, в бою увидим, кто был прав и кто не прав. Я молю Бога, чтобы все было хорошо и мы своей мощью 13 штыков сбили бы части красных.

Наш полк высадился и должен пройти от 30 до 40 верст к нашей позиции. После десяти—пятнадцати верст я испугался, что приведу половину батальона. Проклятые английские ботинки натирали ноги до крови, и стрелки садились в стороне от дороги и отказывались идти. Я вызвал капитана Иванова и просил его взять двух-трех стрелков, отправиться с ними в ближайшую деревню и через старосту мобилизовать 15—20 подвод, что он и сделал. Мы быстро посадили их на телеги, а

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

на свободные я сажал по очереди других стрелков и таким образом сохранил почти весь батальон.

Полк подошел близко к фронту. Был слышен пулеметный и ружейный огонь и изредка бухала чья-то пушка. Полк расположился на окраине леса, лицом к невидимому противнику. Пришли кухни, и стрелки сразу же повеселились. Приказ — костров не разводить. Тут же мы и ночевали, а утром командир полка вызвал к себе всех командиров батальонов и, развернув карту, указал общую операцию полка. Впереди нас, говорил командир полка, красные, которые окопались. Он указал на карте, где их линия. «Мы от них в полутора верстах. Эту позицию я решил взять всем полком, и когда мы их сбьем, то начинаются отдельные боевые задачи каждого батальона. Штаб полка будет находиться у мельницы. 1-й батальон идет на занятие деревни (названия не помню); после занятия донести мне и ждать дальнейших распоряжений».

Для двух других батальонов была задача перехватить дорогу и занять большое село севернее меня, в 6—7 верстах, и держать связь конной разведкой. Слева от меня находилась какая-то конная часть, которая связывается со мной. Я был немного смущен, что в боевом приказе не было указано полкового резерва.

Итак, командир полка вызвал оркестр, обнажив свою шашку, развернул полк в цепь и во главе полка пошел в атаку. Картина действительно изумительная, когда 3 тысячи штыков, как на параде, с музыкой пошли вперед. Красные открыли ружейный огонь, но не выдержали и оставили свою первую позицию. С этого момента батальоны пошли выполнять данные им боевые задачи.

Оставив две роты в резерве, я третью, поручика Хвостова, бросил вперед. Рота наступала очень быстро, но под огнем противника залегла в полутора верстах от деревни. Я срочно выслал полуроту справа и полуроту слева с задачей обойти фланги противника, о чем донести мне, ждать моей фронтовой атаки и только тогда обрушиться на красных, как на левый, так и на правый фланг. 1-я рота в резерве. Я слышал сильный артиллерийский огонь справа, это наши батальоны вступили в бой.

Через некоторое время я получил донесение от обеих обходных колонн, что они выполнили свою задачу и ждут нашей атаки. Я подвел 1-ю роту ближе к 3-й роте и пробовал связаться по телефону с командиром полка, но телефонная линия, видимо, порвана. Тогда я послал конного с донесением командиру полка, что я переходжу в атаку.

С криком «Ура!» мы бросились в штыки. Сильный огонь из пулеметов и винтовок наносит мне большие потери. Но в это время мои

обходные колонны обрушились на фланги и тыл красных. Огонь сразу прекратился, и красные бросились назад в деревню, но там их также встретили огнем наши обходные колонны. Побросав винтовки и подняв руки, они кричали: «Не бей! Мы мобилизованы!» Деревня взята. Я должен получить от командира полка следующую боевую задачу, но пока еще не имею. Выставив заставу, я дал отдых стрелкам. Пленных около 300 человек, я решил их загнать в скотню и поставить охрану. Я давно выслал конную связь к нашим батальонам, но их до сих пор нет. Слева должна быть казачья связь, ее тоже нет. Что-то странное и тревожное творится вокруг. Была артиллерийская стрельба, но ее больше нет.

В это время с полного карьера влетает конный, посланный мною с донесением командиру полка, и докладывает, что штаб полка ушел, а на его месте красные, которые обстреляли его. Это меня очень обеспокоило. Еще хуже, когда вернулись посланные для связи с нашими батальонами, которые они не нашли и также были обстреляны красными. Что-то случилось очень скверное, и для меня ясно, что мы окружены. Но с 900 штыками и с семью пулеметами я уверен, что мы пробьем окружение. Терять времени нельзя. Сперва развязаться с пленными. Собрав их вокруг себя, я сказал им, что они имеют два выхода: или разойтись по домам, или же желающие могут вступить в наши ряды. 40 человек изъявили согласие остаться с нами и в недалеком будущем показали себя отличными боевыми солдатами.

В будущем я узнал, что наши два батальона, попав под сильный огонь артиллерии красных и не выдержав атаки, подняли руки, и многие офицеры были ими убиты. Командир полка думал, что то же случилось и со мной. Конечно, это не есть оправдание уйти и не сообщить мне. Он был смещен с командования полком, в котором остался лишь один мой батальон.

Я потерял в этом бою 45 стрелков, из них убитых 12 и раненых 33. Офицеров убито 3 и ранено 5; все раненые офицеры остались в строю, за исключением прaporщика Мельникова 3-й роты, раненного в живот. Убитые офицеры: командир 3-й роты поручик Хвостов, штабс-капитан Лаптев и поручик Зеленков. Царство им небесное, были доблестные офицеры. Я похоронил всех стрелков на деревенском кладбище, а всех раненых посадил на телеги, также и тела трех убитых офицеров. Я вызвал трех командиров рот, объяснил наше положение и просил их не беспокоиться: хоть мы и окружены, но с нашими 900 штыками мы разорвем любое окружение. Я развернул карту и указал, куда я направляю удар, а после прорыва мы идем к железной дороге в надежде по пути встретить любую нашу часть, от

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

которой получить ориентировку. Наши стрелки вели себя в бою с доблестью, и перехода к красным не было ни одного случая, что мне было радостно чувствовать — ведь это мое воспитание...

Даю приказ: 1-я рота идет в авангарде (я считал ее лучшей из батальона) с заставой и дозорами и с приказом капитану Иванову действовать решительно, если встретятся какие-либо препятствия со стороны противника. 2-я рота в арьергарде с отходящей сильной заставой и дозорами. Весь обоз с ранеными посередине батальона. Наши санитары выбились из сил, но я на это не обращаю внимания. Авантур в составе 1-й роты вошел в бой с красными. Я послал в помощь полуроту 3-й роты и приказал немедленно очистить путь, что 1-я рота быстро исполнила и в штыковом бою отбросила противника.

Путь свободен, и батальон пошел вперед. Началась стрельба в нашем тылу, и я получил от командира 2-й роты паническое сообщение, что красные массой наступают на него. Взяв моих пленных «красных», я пошел в арьергард и приказал командиру роты начать контратаку. Он что-то замешкался, и я ему сказал, что смецаю его с должности командаира роты, и, подняв стрелков, сам повел их в атаку. Мои «пленные» были выше похвал и, перегнав стрелков 2-й роты, пошли в атаку первыми. Красные отошли, но надолго ли?

Командиром роты я назначил штабс-капитана Краца и сказал ему во что бы то ни стало сдерживать красных. Он ответил, что сделает все, что в его силах. Мои «пленные» потеряли шесть своих стрелков, всех ранеными. Разведка батальона подходит к мельнице, где был раньше штаб полка. На пути нашего отступления мы наткнулись на группу стрелков 70—75 человек, это были остатки от 2-го и 3-го батальонов нашего полка при четырех офицерах и два английских орудия с полным составом прислуги. Командир батареи подполковник Смоленков, у него достаточное количество снарядов.

Я срочно ввел остатки стрелков двух батальонов в отряд «пленных», и таким образом у меня образовалась довольно крупная 4-я рота в 100—115 штыков. Я вызвал из 1-й роты подполковника Жейкова и назначил его командовать этой ротой, которую мы называли «особая», без номера. У всех этих стрелков было паническое настроение и они были очень счастливы встретиться с нами. Один из офицеров не выдержал и заплаксал от счастья... и жал мне руку. Одновременно я предложил командиру батареи войти в мое подчинение и объяснил ему обстановку. Я отозвал в сторону офицеров 2-го и 3-го батальонов и командаира батареи и спросил: «Что же случилось, в конце концов?»

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Стрелки 2-го и 3-го батальонов, попав под сильный огонь артиллерии, когда пошли в атаку, перешли на сторону красных, убив многих своих офицеров и многих захватив с собой в плен. Командир же батареи сказал мне, что такого безобразия он никак не мог ожидать, все бросили его, и он блуждал со своими орудиями без охранения, в надежде встретиться с нашими частями. «Слава Богу, что встретились с вами, господин капитан», — сказал он. Я просил их не говорить об этом с моими стрелками.

1-я авангардная рота вступила в бой у мельницы, где раньше был наш штаб полка. Тут мы встретились с упорным противником, и 1-я рота залегла под сильным ружейным огнем. Я бросил в помощь капитану Иванову другую полуроту из резерва и просил командира батареи встать на позицию и открыть огонь по мельнице.

В это время раздалась стрельба в нашем тылу, и командир 2-й роты донес, что на него снова нападают большие силы красных. 1-я рота с резервом бросилась снова в штыки и с помощью артиллерийского огня заставила красных отойти, а затем обратиться в паническое бегство. Путь открыт. Надолго ли? Я взял «Особую роту» и пошел с нею в арьергард, мы перешли в контратаку и также отбросили красных. Батальон быстро отходит. Я снова имею 3-ю роту и «Особую» в моем резерве. Я сменил 1-ю роту, так как она была все время в боях, и взамен выслал из резерва 3-ю роту. У нас есть потери убитыми и ранеными. Я потерял еще трех офицеров, двоих из 1-й роты и одного из 2-й, все ранены, один тяжело, в грудь. Доктора нет, а что санитары могут сделать?

Наступила ночь. Окружив себя со всех сторон охранением, поставив орудия в центре, батальон сразу же заснул крепким усталым сном, слышны были лишь стоны раненых... но что я мог сделать?

Рано, чуть поднялась заря, я тронул батальон, и мы тронулись в наш неизвестный путь. Все мои стрелки и офицеры голодные, и я решил выслать моих последних конных разведчиков в направлении железной дороги (командир полка по неизвестным нам причинам забрал от каждого батальона конную разведку и оставил для нас по 5—6 конных). Через полчаса они вернулись, будучи обстреляны. Значит, мы еще не вышли из окружения. Тем же порядком мы двинулись вперед. Вышли из леса, и перед нами было большое открытое поле, а на другой стороне этого поля снова шел лес.

Наша дорога шла через эту открытую местность. Как только батальон полностью втянулся в это открытое поле, с нашего левого фланга вышла громадная масса — лавы конницы; как черные тараканы, они

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

начали сперва шагом, а затем перешли на рысь. Я приказал быть готовыми к отражению конницы — 1-й и 2-й ротам встать в первую линию, 3-й роте продолжать охранение нашего тыла, и «Особой» роте быть в моем резерве. Каре я пока не ставил, так как хотел убедиться, куда противник решил нанести свой удар.

Мои стрелки отлично знали строй против кавалерии, и я о них не беспокоился. Два орудия встали позади первой линии и в любую минуту могли выкатиться вперед, то есть в ряды 1-й и 2-й рот; все наши пулеметы были готовы и заняли позиции — три в первой линии и по два на флангах. Лава кавалерии перешла в карьер. Команда: «Против кавалерии! Стройся!» — и, как на учении, роты построили каре. Все ближе... и ближе. Я все еще выжидал и, допустив их на короткую дистанцию, командую: «Огонь!» Два орудия били на картечь, и первая лава конницы была сметена, а другие бросились назад и, перестроившись, снова пошли в атаку. Но их постигла такая же участь, как и первых. Было страшно смотреть, как орудийный огонь взрывал людей и лошадей... Все перемешалось в кучу лошадей и людей, и на этом их конная атака захлебнулась. Стрелки бросились ловить лошадей. От раненых кавалеристов мы узнали, что это был особый конный ударный отряд в 600 сабель.

Что мне делать с ними? Большинство мобилизованы. Приказал санитарам взять их с поля, и на опушке леса санитары постарались перевязать многих из них. Красные придут и позаботятся о них, а у меня нет времени заниматься ими. Батальон свернулся и тем же порядком двинулся вперед. Наша конная разведка натолкнулась на кухни этого особого конного отряда, их было две, полные щей и вареного мяса с гречневой кашей, а также масса хлеба. Радости было много, и я решил задержаться и накормить стрелков. Это взяло у меня около полутора часов, и я стал беспокоиться, что красные снова преподнесут нам сюрприз, — надо двигаться. Кухни мы не оставили, а взяли с собой, думая, что могут пригодиться в будущем.

С командиром батареи у нас были самые дружеские отношения. Он кадровый офицер, с большим опытом Германской кампании, и все время преподносил мне комплименты о том, как я умело распоряжаюсь боем и что все офицеры и стрелки в восхищении от меня и т. д. Эти комплименты всю мою жизнь смущали меня, я почему-то их не переношу... Мы очень много рассуждали о причинах гибели полка, и он удивлялся, как я мог сохранить батальон, ведь этот батальон был комплектован такими же стрелками, как и 2-й и 3-й батальоны. Как же так случилось? Я ему подробно все объяснил, и он только грустно вздохнул и покачал головой.

Мы идем, и никаких сопротивлений со стороны противника нет, видно, они получили хороший урок... Мои стрелки поймали 12 лошадей с седлами, и я решил их влить в конную связь, а для этого мы выбрали 12 стрелков, которые ездили верхом раньше. Я взял из 2-й роты прапорщика Норкина, который был вольноопределяющимся в 5-м Уланском Литовском полку, и приказал ему привести команду в порядок. Шашек было взято масса от убитых и раненых красных.

Наконец — радость: наш разъезд встретился с конной разведкой Уральского или Уфимского (не помню) полка. Перейдя их линию обороны, мы были встречены с большим удивлением, когда они уви-дели стройные ряды 900 штыков — сибирцев. Спрашивали — какая дивизия? И когда наши стрелки ответили, что это 1-й батальон 49-го Сибирского стрелкового полка, они кричали: «Врешь, сибиряк, таких батальонов нет!»

Я начал разыскивать штаб дивизии и после долгих поисков нашел начальника дивизии. Рапортую, что 49-го Сибирского полка 1-й батальон выбрался из этой каши и что он прикажет, как поступить дальше? Он спросил меня: «Сколько штыков вы вывели?» Я ему отвечаю, что около 900 штыков. «Прежде всего я вас благодарю за доблестную работу, господин капитан, и назначаю вас командиром 49-го Сибирского стрелкового полка. Остатки от двух батальонов и от двух полков вольются в ряды вашего полка. Сдайте всех больных и раненых в санитарный поезд, который будет ожидать на разъезде около деревни». Я ему ответил, что 70 штыков из двух батальонов я уже влил в наш резерв. Он также сообщил мне, что у него есть до 300 штыков — остатки 50-го и 51-го полков. «Отходите в деревню (не помню названия), я даю вам пять дней отдыха».

Таким образом, я имел полк больше 1200 штыков, которые я разбил на три батальона, назначив лучших офицеров на должности батальонных командиров. На этом я кончу описание трагедии 13-й Сибирской стрелковой дивизии.

В будущем мой полк принял тяжелые бои и под Курганом, во встречном бою, разбил 318-ю советскую дивизию, забрав в плен около 600 человек, пять орудий с полной упряжкой, полевой санитарный отряд с двумя докторами и семью сестрами милосердия. За этот бой генерал Зощенко представил меня к Георгиевскому кресту, но получить его я не смог, так как началось полное отступление нашей армии. Хотя я имел от генерала Зощенко официальный документ о представлении меня к Георгиевскому кресту и что я могу считать, что я его получил, но этого для меня не было достаточно, и я никогда не представлял себя как георгиевского кавалера. Какая-то судьба пресле-

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

довала меня с георгиевскими наградами. В Германскую кампанию я был представлен к Георгиевскому оружию, но взамен получил Владимира 4-й степени.

С 49-м Сибирским стрелковым полком я прошел все бои, включая Ледяной Сибирский поход. Состав полка таял, и от тысячного состава оставалась третья часть. В бою под станцией Зима я потерял лучшего офицера и друга капитана Иванова, он был убит в атаке с Воткинской дивизией на станции Зима. Я пришел в город Читу с 200 стрелками и с массой больных сыпным тифом. Офицерский состав был в количестве 22 человек.

В. Молчанов¹³⁶

БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ¹³⁷

С левого фланга вести были неутешительные. Сейчас расскажу, в чем дело, так как это интересно, как факт бытовой. В Яркеево в мое распоряжение прибыл гусарский полк Уфимской кавалерийской дивизии¹³⁸ под командой полковника Павлова, который лично прибыл ко мне на четверке цугом, как архиерей. Впечатление он произвел на меня подавляющее как своим возрастом, так и внутренним содержанием, хотя обладал одним достоинством — пил здорово. Полк был отличный по составу офицеров и солдат, и зачем понадобилось назначать командиром этого полка офицера, не нюхавшего пороха и бывшего всю Великую войну в тылу?

Полку была дана задача охранять левый фланг отряда. Выполняя эту задачу, полк встретился с тысячным отрядом, который открыл стрельбу из орудия. Командир — в коляску, и «пошла писать губерния»: он решил, что все потеряно, и бежал с эскадронами в тыл до самого Бирска — если не ошибаюсь, 90 верст — там его остановил штаб корпуса.

Днем еще я знал от офицера этого полка о случившемся. Конечно, я не рассчитывал, что в тылу могут быть какие-либо части, кроме частей т. Кожевникова, но ведь тыл-то был угрожаем все время. Захватывались мои обозы, отдельные офицеры и солдаты. Суммируя все вместе взятое, я решил отойти в Асяново. Ночью отошли незаметно и на подводах за ночь прошли весь путь. Капитан Модестов в Асянове уже никого не застал, так как красные, узнав о движении отряда, ушли опять влево.

В Асянове ко мне присоединились остальные два батальона 13-го Уфимского стрелкового полка с пулеметной командой (командующий